

Когда-то Наруто не решался назвать себя Курамой - возможно, даже не мечтал об этом. Но теперь, зная, чем пожертвовал лис, чтобы он мог жить, понимая Кьюби чуть больше благодаря их слишком короткой дружбе и жертве Курамы, Наруто носит это имя с гордостью. Сейчас оно более или менее принадлежит ему, так что он даже не задумывается о том, что это ложь.

Он никогда не умел врать - даже в его тайных миссиях было больше полуправды, чем чего бы то ни было, поэтому они с Сасукэ придумали историю, в которой было достаточно полуправды, чтобы он смог пройти. Узушио больше нет, все его записи уничтожены, а оставшиеся шиноби рассеяны по ветру. Еще один Узумаки - ничто в схеме вещей, а с этим неожиданным приглашением в Коноху, если он правильно разыграет свои карты...

Первый этап задачи выполнен. Акацуки отстранены от власти, кошачьи лапы Тоби стали бессильны. Зецу мертв, как и все остальные, кроме Конана и Нагато, которые сейчас скрываются, а других пропавших нин их уровня практически нет. После того как ему рассказали о будущем, Нагато даже был готов отдать глаза Риннегана, которые вживил ему Мадара и которые теперь окончательно уничтожены. На это ушел почти целый год и множество провальных планов, но дело сделано.

Где-то в середине всего этого была смутная мысль вернуться когда-нибудь в Коноху, может быть, попросить разрешения увидеться с юным "родственником", но приглашение Хокаге все упростило.

Он снова станет шиноби Конохи, хотя никогда не думал, что такое может случиться после того, как его Коноха была разрушена Мадарой. Это будет целая Коноха, и от этой мысли в груди одновременно и больно, и легко.

Сасукэ будет там - возможно, ребенком, но будет. Как и его двойник в этом времени, и Сакура, и остальные двенадцать членов Конохи. Они будут живы.

Невероятно. Поразительно. Невероятно, даже. Но Курама верит в это, не в силах сделать ничего другого, потому что его бывший учитель ждет его перед воротами, засунув руки в карманы и безучастно ссутулившись. Один темно-серый глаз смотрит на него, внимательно, но более спокойно, чем несколько дней назад, и Курама вызывает у него улыбку.

"Большая", - говорит он, спрыгивая с деревьев и подходя к нему.

"Самая большая скрытая деревня", - с гордостью в голосе отвечает Какаши. "Страна Огня, может, и не самая большая, но Коноха не зря выигрывала все войны". Он поворачивается и направляется к большим воротам, помахав рукой чуунинам, стоящим у них, - Котетсу и Изумо, как всегда, и Курама искренне улыбается им обоим, испытывая огромное облегчение от того, что они целы.

(Идзумо погиб у этих ворот, когда Мадара вторгся в последний раз. Они успели эвакуироваться, выбраться вовремя, но Котецу уже никогда не был прежним. Когда он тоже погиб, чтобы дать нескольким семьям время спастись из подорванного лагеря беженцев,

Курама почувствовал почти облегчение. Один не должен был жить без другого).

Котетсу с любопытством смотрит на него, в то время как Изумо недовольно спрашивает: "Какаши-сан, вы..."

"Маа, я отведу его прямо к Хокаге", - обещает Какаши. "Узумаки-сан здесь по его приглашению".

"Просто Курама", - добавляет Курама, наклоня голову к двум чуунинам. "Я младше вас, Хатаке-сан".

"Тогда просто Какаши", - отвечает Какаши. Через полминуты он уже на ближайшей крыше, с надеждой глядя на Кураму. "Сюда быстрее, Курама-кун. Иди за мной, как хороший мальчик".

Курама закатывает глаза, возвращает Идзумо его долготерпеливую улыбку и следует за своим бывшим учителем на крыши. Копирующий нин едва дожидается, пока тот сориентируется, и направляется к башне Хокаге. Курама специально слегка замедляет шаг, оглядывая деревню, которую он уже много лет считал исчезнувшей.

Здесь спокойно.

Красиво.

Она существует, и одного этого для Курамы более чем достаточно.

Слишком быстро, слишком быстро они оказываются в Академии, и Курама с недоумением наблюдает, как Какаши без раздумий подпрыгивает прямо к окну Хокаге. Цунаде вышвырнула бы его обратно за то, что он воспользовался окном с посетителем на буксире, но, видимо, Сандайме гораздо снисходительнее относится к Копии-нину. Тем не менее, Курама немного замешкался, подражая ей, и осторожно присел на подоконник, чтобы убедиться, что его принимают.

К счастью, прошло уже столько времени с тех пор, как он приземлился в это время, потому что еще несколько месяцев назад он, скорее всего, разрыдался бы при виде этого морщинистого лица под модной шляпой, этих острых темных глаз, вглядывающихся в него, пока он там парит. Но у него было чуть меньше года, чтобы привыкнуть видеть знакомые и давно умершие лица, места, разрушенные много лет назад и теперь нетронутые.

Курама опустил на пол и отвесил глубокий поклон этому человеку, которого он уже однажды не смог спасти, генин он или нет. Сандайме был для него как дед, единственный, кто заботился о нем на протяжении многих лет, и даже если Кураме не удастся ничего изменить в этом времени, он насадит предательскую голову Орочимару на кол посреди деревни, чтобы весь мир увидел.

"Хокаге-сама", - вежливо говорит он. "Я - Узумаки Курама. Большое спасибо за ваше щедрое приглашение. Это большая честь для меня, и я сделаю все возможное, чтобы это было достойно вас".

Крепкая рука поднимает его на ноги, и Курама следует за ней, удивленно моргая на Сарутоби. Старик улыбается ему, и Курама чувствует, как что-то в его груди начинает сдавать. К его ужасу, глаза горят, и он молится, чтобы не расплакаться перед этим человеком, его первым героем.

Но Сарутоби просто улыбается, ласково и нежно, и кладет руку ему на плечо. "Тебе, должно быть, пришлось очень нелегко, мой мальчик", - пробормотал он. "Я сожалею о твоей потере".

Никто и никогда не говорил ему таких слов. Не было никого, кто был бы настолько близок, чтобы потерять, до и после...

После - их стало слишком много, чтобы оплакивать их.

Курама наклоняет голову и закрывает лицо руками. Он не хочет, чтобы они видели, как он плачет. Он не хочет, не может - даже если ему так и не удалось как следует погоревать, даже если потеря Сасукэ до сих пор остается кровоточащей раной в его сердце, он не...

Сильная рука обхватывает его за спину, и Сандайме, его первый дорогой человек, подтягивает его на шаг ближе, позволяет ему положить голову на плечо и беззвучно плакать.

Слабый. Так глупо, отвратительно слаб, ругает себя Курама, но этого недостаточно, чтобы остановиться.

"Прости, - бормочет он, борясь со слезами. "Простите, Хокаге-сама".

"Нет", - ласково говорит ему Сарутоби. "Не стоит. Это нормально - плакать, возвращаясь домой после долгого путешествия".

Курама не слышал этого слова уже много лет, задолго до того, как Коноха пала в последний раз. Он слегка смеется, отстраняясь и глядя в лицо Хокаге со всей благодарностью, которую испытывает. Этого достаточно, чтобы захлестнуть его, переполнить, но в то же время это так мило. То, что он сказал Какаши о том, что не смог найти другую деревню, было правдой - в тот момент, когда Коноха была разбита, он мог бы отправиться в Суну, или Кумо, или Кири. Все они приняли бы его, но он не мог заставить себя искать новый дом, чтобы обосноваться в единственной деревне, которую он любил, в разграбленных руинах с привидениями.

Но здесь и сейчас Коноха в порядке, и если Курама добьется своего, она никогда, никогда не падет.

Она снова станет домом, его домом.

"Я бы хотел остаться здесь", - говорит он после долгого изумления, вызванного этой мыслью.
"Если вы готовы сделать из наемника-бродяги шиноби Конохи, я в мгновение ока посвящу свою жизнь благополучию этой деревни".

Ради дома, подумал он, но не сказал.

Судя по улыбке на лице Сарутоби, он все понял.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458413>